

ИТОГИ ТЕАТРАЛЬНОГО СЕЗОНА

ЗАМЕТКИ О МУЗКОМЕДИИ „ФИОРЕЛЛА“ И ДРУГИЕ

Датный спектакль! Сумрачно сияет оркестр. Растерянно топчется дощатый язык на расчистанных на «Фигаро» театре Сады отдыха. Пугают дощатые до минимума хор в оркестр. Насколько проговаривают тексты в унисон «прючат» солдаты, то в дело вмешиваются на сцену. Это — премьеры «Фигареллы» в Ленинградском Музыкальном театре. Впервые в истории театра. Но судить последних по тому, что вытворяется сейчас на сцене — трудно. Возможно, что режиссерский план Ф. Кальмана лишен опереточного перламутра и праздничной изобретательности, но как решить, что осталось от режиссерского плана в этой сумятице, если «Митрофановым причинам» исполнен весь спектакль, выброшен ряд входов, где некоторые исполнители выданы в последнюю минуту, где бас поет текстовую партию, нирк превращен в дворовую залу и т. д.

Премьера «Фигареллы», подготовленная еще зимой, своеобразно подытоживает сезон Музкомедии. Неудачный, тревожный сезон!

Года полтора назад Музкомедия Наркома претендовала на ведущее место в ряду опереточных театров. Это подбо-

лялось упорным стремлением повысить музыкальную, опереточную культуру спектаклей, тщательной работой всего коллектива на классике, работой над авторскими образами и над ансамблем. Было немало ошибок, — театр сторонился новой оперетты, не сумел объединить живые авторские силы (и за это выключиваются сейчас полковой мерой), борьба с «свещницей», нередко превращалась в противоположность, — терялась легкость и музыкальность, смех становился режиссерским гостем. Сейчас Музкомедия, углубляя прошлые ошибки, расширяет и закрепляет художественный капитал!

Четыре премьеры сезона прежде всего говорят об отсутствии в театре каких бы то ни было принципиальных установок в работе над репертуаром.

Режиссерский план театра может строиться по трем разделам: классика, современная западная и оригинальная советская оперетта. Премьеры этого сезона — урок, как не следует исполнять ни один из этих источников!

Обе «советские» оперетты («Ледяной дома» и «Веряж» — на историческом фоне). Обращение к материалу прошлого, да, как известно, Шостаковичу невозможно написать высочайшее, современное по существу, музыкально-спектакльное произведение («Ледяной дома»). «Взгляд в прошлое» сам по себе ничего порочного не таит. Вопрос лишь в том, кем и на что смотреть.

Беда и «Ледяного дома» и «Веряжа» в том, что авторы, во всеоружии опереточных штампов, с обязательных позиций подползи к жанру историческому материалу. Вместо того, чтобы подхватить «оружия любимейшего род» — политическую неюзу «солонья революция» Калашова. Чуждый же

новости средоточием обычных благоглупостей опереточной не вытрити даже, а «свещница!» Что же касается Шершеневича, то тот просто-напросто переписал мрачную прозаическую романа Лажечникова, сделавшую Крашенинниковым, передав эту вульгарную псевдоисторическую мелодраму в опереточный театр.

Классика была представлена «Фигареллой». Современный Запад — «Принцесса долларов». И характерно, что для «критического освоения» таких разнородных по художественной ценности в оперетте, как «свещница» Лео Фадя и «Фигарелла» «Разбойники» (перемешанные в «Фигареллу»), авторы использовали один и тот же прием: в начале, в конце порочный прием: «свещница», «соавторы» оперетты. Мол, мы знаем, что все это глупо, а дело, мало остроумно, — но, что поддаться, таковы дурные традиции опереточного ремесла! Герои «Принцессы долларов» то и дело сыплются на то, что все делается «как в оперетте». В пьесе Левитина «Фигарелла» заведомо пародийный «разбойник», тяготящийся своей профессией, граф, влюбленный в разбойницу и т. д.

Спектакли являлись разоблачили приобщенные к этим приемам! Спарва — музыки и актам уже и актеры, всевозможные «переживания» своих личностных арий и дуэты. Так было с радостью в «Принцессе долларов», превращенным в мистификатора-журналиста. Так поддаться и в любовию графа и разбойницы в «Фигарелле», где актеры Колдов и Мурокса без тени юмора драматизировали, якобы, провинциальный текст. Налицо — явная недооценка, как полновесного материала классических оперетт, так и любой весьма квалифициро-

ванных, старых переводов. Почему-то считается, что опытные либреттисты Оффенбаха Мейлах и Галеви, авторы отличных опереточных памфлетов, во что бы то ни стало должны пойти на выучку к Левитину и Шершеневичу. Иначе им не жить! Большинство «свещниц» является или наивной вульгаризацией классических текстов (как это было с «Фигареллой») или превращением вырвчатой, заискивающей сатиры в академическую «мушкетерскую» («Периколда» в Малюго). Нечто вроде «переводного каламбура»: понять-то понятно, но решительно не смешно! Удачный опыт театра имени Невроцкого — Данченко, где писатели Инбер и Зак дали на музыку «Молодого Карменита» яркую, галантированную пьесу, говорит, что есть и третий путь, — путь серьезной творческой работы драматурга в союзе с музыкантом.

Кальман огульно отрицать всю западную оперетту. Мол, Европа «бездарно разлагается». Культурная постановка «Фигареллы» Моммартра. Кальмана в Ленинградском же музкомедии в свое время показала, что и здесь возможны обильные без приспосабливаемого грама дешевой и никого ни в чем не убеждающей «проции».

Для итогов этого сезона на ряду с бесспорно добросовестной работой художников (Бруни и Коршиков, Ходасевич, Руди) характерна также своеобразная «творческая ограниченность» работы режиссеров. Постановки (исключая «Фигареллу», о которой, повторяю, судить трудно) с узко профессиональной, ремесленной точки зрения сделаны грамотно, старательно, с известной выдумкой. Но во всем этом не было настоящей творческой смелости, активной, серьезной попытки выйти за границы

плоских текстов. Отсюда и возвращение актеров к старым штампам, отсюда и ничтожное в конечном счете количество актерских достижений за сезон. Лишь немногие из ста с лишним персонажей оперетт заволакивались как образы, как живые, убедительные характеристики: Болдырева и Сидорович (Груня и Зюда в «Ледяном доме»), Логос — «Веряж», да Янат и Астафьева в «Фигарелле». Располагая такой яркой и разнообразной танцовщицей, как Палец, театр за весь сезон не смог ни разу сколько-нибудь интересно ее использовать.

Резко снизилось и музыкальное качество спектаклей. Если в «Принцессе долларов» и «Ледяном доме» можно было (и по праву) советоваться на композицию и арражировщиков, то здесь на бледное, бестемперamentное исполнение пресловутой партитуры Оффенбаха (в редакции Асафьева) ложится на театр полностью.

Музкомедия работает «на холостом ходу». Это, пожалуй, единственный из ленинградских театров, который не имеет художественного руководства, lacks репертуарных планов, системы воспитания актерского коллектива, который живет близорукой оглядкой на «касса».

На всеобщем драматургическом конкурсе рецензия жюри была отмечена новая музыкальная комедия Алдуца в Старокадамовском «Наша жизнь». Пьеса чрезвычайно любопытна. Вот над чем работать советскому театру Музкомедии. Но работать надо с полной творческой ответственностью. Художественное руководство должно в работе над этим и другими произведениями отдавать все выводы из уроков нынешнего театрального сезона.

СИМ. ПРИДУМ